

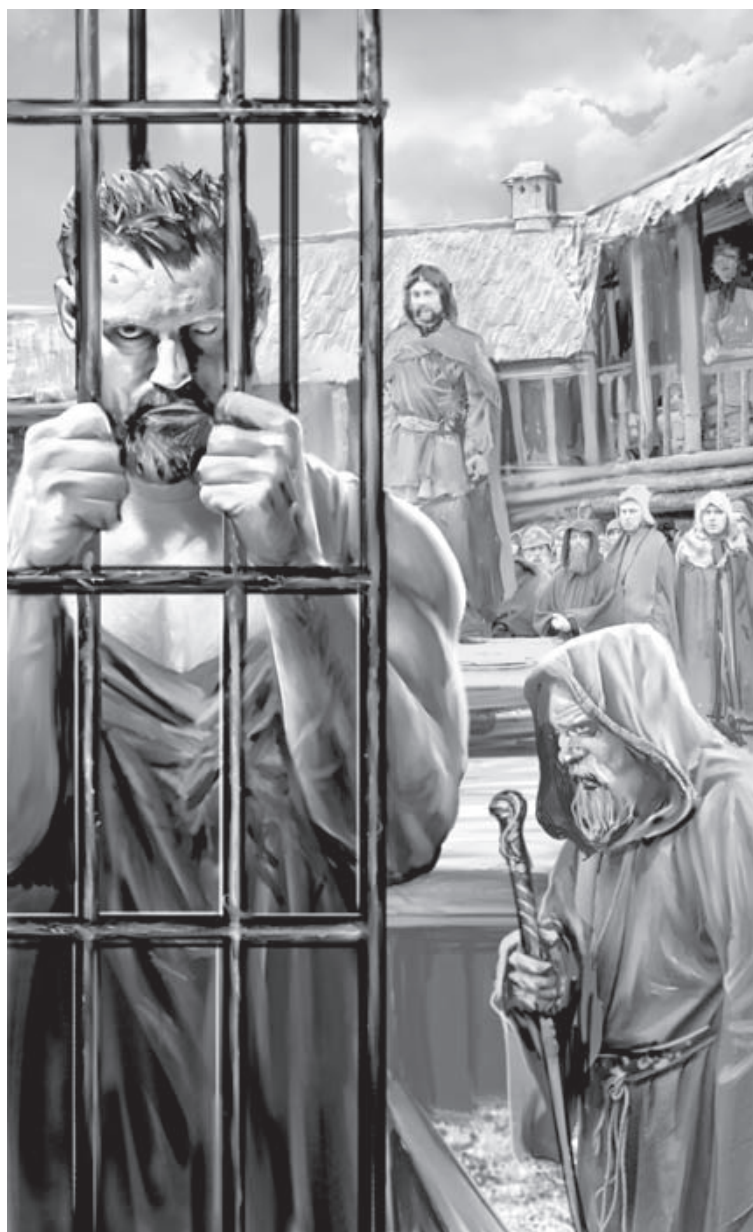

Книги Иара Эльтерруса
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЧЕРНЫЙ КУЗНЕЦ

Цикл
«ОТЗВУКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕТРА»

МЫ – БЫЛИ! ПРИЗЫВ
МЫ – БЫЛИ! ПУТЬ
МЫ – ЕСТЬ! ЧЕСТЬ
МЫ – ЕСТЬ! ВЕРА
МЫ – БУДЕМ! ОСОЗНАНИЕ
МЫ – БУДЕМ! ВЫБОР

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

ЧЕРНЫЙ КУЗНЕЦ

РОМАН

Москва, 2022
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1332

Художник
И. Воронин

Эльтеррус И.
Э53 **Черный Кузнец: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3493-0

Содрогнулась сама суть мира, свернулись в воронки над городами черные тучи, затряслась земля, закрутились в океанах водовороты. Древний бог возродился! Страшный бог. Священники, муллы, равнины и иные жрецы в ужасе, они слишком хорошо понимают, чего им ждать от возрождения оболганного и преданного ими высшего. Ведь чтобы он возродился, должен быть казнен ни в чем не повинный великий мастер. Мастер меча, молота или пера. Мастер, отрекшийся на костре от людей, света и тьмы. Принявший в себя огонь.

Тогда и только тогда, став единым целым с душой призвавшего, в мир нисходит он... Мастер Душ, Черный Кузнец.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Иар Эльтеррус, 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3493-0

Пламя играет, льется свет.
Прошлое тает, но надежды нет!
Пламя играет, но надежды нет!
Горн раскален, гудит в печи огонь лихих сердец,
Ты никто, здесь я всему венец!
Сквозь дым пройдешь и сам, войдя в огонь, поймешь,
Что есть Свет и Тьма...

Песня «Черный Кузнец» одноименной группы

ПРОЛОГ

Человеческое море медленно колыхалось в предвкушении начала долгожданного зрелища. Глухой шум прокатывался над площадью, на окружающих ее деревьях торжествующе каркали вороны. Цепочка стражников охраняла помост, на котором высилась пирамида дров для костра, рядом суеилось несколько служек Великого храма. Каждый из них нервничал, то и дело оглядывался и смахивал рукой пот со лба, боясь сделать что-нибудь не так. Еще бы, впервые за долгое время казнь почтил своим присутствием сам глава Церкви Белого Христа, архонт Сергей, дядя нынешнего царя, Владислава Справедливого, или Ленивого, как за глаза прозвали его в народе. В общем-то верно прозвали — в Славии всем заправлял именно архонт, а отнюдь не царь — последнего интересовали только охота, пиры, барышни и попойки с фаворитами. Не худший вариант, ежели разобраться: Сергей править умел, давал людям жить, не притесняя большими податями, да и фанатиком не был. Царю тоже развернуться не позволял, осаживая в случае необходимости, ведь тот, желая получить больше денег на свои гульбища, не раз пытался содрать с людей последнюю шкуру.

— Слышь, Петро, а кого казнят-то?.. — едва слышно спросил один из служек второго.

— Да колдуна, кого ж ишо живьем жечь станут?.. — удивился тот. — Не по-людски это, уж больно смерть лютая...

— Что колдуна, ежу понятно! Но кто ж колдун-то?

— В жисть не поверишь! Кузнец с Шестой улицы...

— Это который с бельмом, что ли? — поразился первый. — Микула?

— Он самый, — важно подтвердил второй. — Я и сам не поверил, когда узнал. Мастер же, каких поискать ишо! И чего ему не хватало? Не, колдовать полез, дурень...

— А чего он сделал-то? Расскажи, а?..

— Да зверюгу из чугуна сковал, она сама по двору каталася да дым черный из трубы на спине пускала... Без коняги-то! А ревела-то как и воняла! Сразу ясно, что из ада... Люди как увидели, так по первости до смерти перепугались, в храм кинулись, а потом колдуна проклятого чуть дрекольем на месте не забили. Вовремя храмовая стража подоспела, отбила, надо ж судить гадину, как по закону положено!

— Эх, жаль... — огорчился первый. — У меня тесть хотел у него рессоры для телег заказать, никто ж, окромя Микулы, их толком ковать не умеет... А мечи какие...

— Чего уж тут... — развел руками второй. — У меня брательник, он в городской страже служит, тоже с его мечом ходит. Сказывал, что лучших в Камнераде и не найти. Да тока теперь он уж ничё не скует. Неча колдовать было!

Они замолчали, вернувшись к работе. Архонт отличался редкой строгостью, ежели что не по его будет, то и в Северный монастырь сослать может. Не сильно этого хочется после спокойной и сытой жизни в столице. Лучше уж постараться, чтобы старик довольным остался. Тогда, глядишь, еще чем и наградит или хотя бы не забудет — про карьеру-то думать надо, годы еще молодые, хочется кое-чего к старости добиться.

Редко случалось в Камнераде такое событие, как казнь, тем более казнь колдуна — да и о самих колдунах здесь уже лет двести-триста слыхом не слыхивали. Хорошо их предки повывели во времена Черной войны, поголовно вырезали, жизнью своих не жалея. А вот надо ж, не повывелись они! Попрятались, нелюди поганые! Кто бы мог подумать, что всем знакомый бельмастый кузнец Микула — колдун? Никому в голову не приходило! Вот, выходит, откуда его мастерство взялось... Нечистый подарил! И не побоялся же кузнец душу-то губить...

Люди переговаривались, осуждающе качая головами. Каких только предположений они не строили, каких только несуществующих подробностей не выдумывали. Чугунный зверь стал уж и огнедышащим змеем о шести головах, который хотел весь город пожечь, а сам Микула — жутким чудищем, воровавшим детей для своих черных ритуалов. Все соседи говорили, что давно подозревали кузнеца, уж больно тот много знал и умел, а человеку то невместно. В каждом поступке и слове бельмастого теперь видели злой умысел и сходились на том, что правильно этого гада жгут, что это ему еще легкая

смерть будет. Никто не пожалел бедолагу, никто не посочувствовал...

К крыльцу дома городского головы, где разместились важные гости, подкатила карета, из которой не спеша выбрался, тяжело опираясь на палку, сухошавый старик в черной сутане и клобуке. Горожане уважительно загудели, людское море заволновалось, многие даже поклонились — архонт Сергей прибыл! Значит, скоро начнется. И в самом деле, стража ожилилась и тупыми концами копий расчистила широкий проход от края площади к помосту, оттеснив людей в стороны.

Раздался скрип, и на площадь въехала влекомая двумя быками телега, на которую водружена была клетка. А в ней, вцепившись мускулистыми руками в прутья, стоял кряжистый, черноволосый, избитый до синевы человек с резкими чертами лица. Мало кто видел, что в его наполненном отчаянием единственным глазе горит немой вопрос: «За что, люди?.. Что я вам сделал?..»

Те немногие, кто ловил этот взгляд, на мгновение замирали и опускали голову, обожженные внезапно вырвавшимся из глубины души стыдом. И, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, принимались швырять в клетку камни и громко вопить:

— Смерть поганому колдуну! Смерть! На костер его!

Услышав эти крики, архонт Сергей горько усмехнулся. Люди, всего лишь люди... Им указали — ату его, он виноват — и они кинулись, ни на мгновение не задумавшись, а так ли это. Старик перевел взгляд на клетку и незаметно вздохнул. Эх, Микула, Микула... Ну почему ты не отрекся? Почему? Зачем пошел на страшные муки? Неужто не понимал: все, что противоречит заветам предков, — уже колдовство? Отрекся бы, постригся в монахи, ковал бы мечи для храмовой стражи — и жил бы! Сергей ведь предлагал! Нет, кузнец даже исповедоваться отказался, утверждая, что не имеет никакого отношения к колдовству, что его «машину» двигала некая сила пара... Ну какая еще сила пара?! О ней ничего не сказано в святых книгах, а значит, ее и нет. Есть проклятое Всевышним колдовство! Простейшая истина, не подлежащая сомнению. Особенно если вспомнить страшную войну с колдунами, Черную войну, в которой люди невероятным трудом и огромной ценой победили некромантов, поднимающих мертвые армии. Да и то с помощью того, о ком лучше не вспоминать...

Почему-то Сергей до сих пор сомневался, что Микула действительно колдун, но как иначе объяснить самобегающее чугунное чудовище, изрыгающее черный дым, не знал. Ведь, несмотря ни на какие пытки, кузнец так и не признался в колдовстве, все талдычил про свою «силу пара», значки какие-то писал, утверждая, что математика все объясняет. Да ничего она не объясняет — правила счета, купцам нужные, и все! Надо будет не забыть велеть после казни, чтобы сожгли его писанину, а то, не дай Всевышний, еще кто-нибудь ею заинтересуется.

Старик досадливо вздохнул — хороший кузнец был, и не просто хороший, а мастер, каких во всем царстве единицы! Кружева железные легко ковал! А уж оружие его ценилось не только в Славии, но и во всех соседних странах. На любом рынке булатные мечи с вытравленными возле рукояти двумя скрещенными молотами стояли, бывало, и три меры серебра, а в далеком Далвисте за них вообще золото по весу давали! Потому так не хотелось жечь мастера, немалый он доход казне приносил. Но колдовство... Это единственное преступление, за которое в Славии никому нет прощения. Даже царю, ежели тот вдруг решит этим богопротивным делом заняться. Вон двадцать пять лет назад младшего брата нынешнего царя Владислава, а тогда — наследника престола, тихо удавили по приказу отца после проведенного церковью следствия: решил короны с помощью колдовства добиться, неразумный. Кого иного сожгли бы, но царскому сыну оказали милость, да и то лишь потому, что иначе можно было вызвать бунт черни.

Да, никого нельзя прощать, люди должны четко понимать: не смей искать запретных знаний! Не для человека они! Убивают они душу! Превращают человека в зверя. Сергей вспомнил перечитанные не так давно свитки хроник времен Черной войны, и у него пересохло во рту. Не дай Создатель повторения того кошмара! Ради его предотвращения и тысячи Микул не жаль! Виноват он там или нет!

«Да что это я? — одернул себя старик. — Конечно, виноват! Какие тут могут быть сомнения?..»

Однако сомнения имелись, и немалые. Только вот ничего вернуть было уже нельзя — поздно. Сергей опустил голову, но затем все же заставил себя поднять взгляд и посмотреть в не закрытый бельмом глаз кузнеца. Он сразу уловил немой крик того и вздрогнул.

— Ты знаешь, за что... — неслышно прошептал архонт. — Знаешь... Не притворяйся, знаешь...

Затем поправил кlobук, сгорбился, став похожим на нахлившего старого ворона, и стукнул посохом по доскам крыльца, давая сигнал начинать.

Пальцы крепко вцепились в прутья клетки. Кровоточили раны на месте ногтей, вырванных палачами храма. Но Микула не замечал физической боли, у него куда сильнее болела душа. Он никогда раньше не верил, что душа может так страшно болеть. На костер впереди кузнец не смотрел, он смотрел на лица людей, собравшихся на площади. Да нет, не лица — оскаленные, брызжущие слюной отвратительные морды. Выпученные глаза, из которых буквально рвутся ненависть, злоба, жажда убивать. Тянущиеся к клетке скрюченные руки, летящие в него камни и гнилые овощи.

— Люди, да что вы с собой творите?.. — с трудом выдавил Микула. — Вы же люди... Зачем вы так?..

Брошенный кем-то из толпы камень пролетел между прутьями клетки и ударил кузнеца в скулу. Он только вздрогнул и вытер потекшую кровь о плечо, продолжая смотреть в лица горожан. И с каждым мгновением ему становилось все страшнее и противнее — люди походили на кого угодно, но только не на людей. Они бесновались, вопили: «Смерть колдуну!», прыгали, брызгали слюной, сходили с ума.

Микула слушал их крики с недоумением, все пытаясь понять, что же он им плохого сделал. Ведь ничего! Наоборот, мечтал облегчить жизнь мастеровых, создав машины, работающие на пару. Кузнец вычитал о них в древнем свитке, за огромные деньги купленном у торговца с Востока, и загорелся идеей построить такую. С юности выискивал редкие книги, учился всему, чему мог, потому и стал мастером. Немало лет прошло, прежде чем ему удалось создать действующую модель, — пока подобрал нужные сплавы, форму котла, придумал клапаны, не дающие котлу взорваться. Все это он делал втайне, большей частью ночами. А когда все было сделано, захотел поделиться радостью с другими и установил паровую машину на тележку, по-быстрому соорудивдвигающий ее шестереночный привод. Думал, что люди оценят возможность перевозить грузы без лошадей. «Оценили» и полной мерой воздали...

Когда в воротах появились с дрекольем в руках соседи, Микула встретил их радостной улыбкой, никак не ожидая дальнейшего. А на него набросились скопом, повалили на землю и принялись избивать... И никто, никто не пожелал его выслушать! Кузнец криком кричал, умолял понять, что он же как лучше хотел, что это не колдовство, — не услышали... А точнее, не пожелали услышать, теперь он понимал это четко. Затем появились храмовые стражники и вырвали потерявшего сознание, избитого Микулу из рук разъяренных горожан.

Последующий кошмар кузнец и хотел бы, да не мог забыть. Неглупые как будто люди уперлись, твердя об idiotском «колдовстве», как тупые ослы, и принялись выбивать из него признание любой ценой. пытками выбивать. Святые отцы напрочь отметали его объяснения, повторяя свое раз за разом. Позволяли написать формулы, с помощью которых Микула рассчитывал паровую машину, но даже не смотрели в написанное, интересуясь только тем, что это за заклинание. Поначалу кузнец подумал, что они все сумасшедшие, но позже понял, что дело куда хуже. Они — фанатики. Для таких не существует ничего, что выходит за пределы их догм...

Под конец пытки почему-то прекратились, Микулу даже подлечили, и с ним начал вести долгие разговоры сам архонт, уговаривая прилюдно раскаяться и уйти в монастырь. Но кузнец не понимал, в чем он должен каяться. Он же ни в чем не виноват! Нет в его действиях черного колдовства, как утверждал Сергей! Однако тот гнул свою линию. И тогда в душе Микулы впервые возник обжигающий гнев, столь сильного гнева он никогда до тех пор не испытывал. Этот гнев дал кузнецу силы держаться. Была бы в словах архонта хоть доля истины, он бы покаялся, но так?.. Нет! Ни за что! И он выплюнул в лицо архонту проклятие. После этого кузнеца и приговорили к сожжению заживо...

Отыскав взглядом в толпе несколько знакомых лиц, Микула с надеждой уставился на них, надеясь хоть в чьих-то глазах увидеть каплю сочувствия. Не увидел. Только злоба и ненависть. Боже, да что же это?! Как это?! За что?! Никто не ответил. И он понял, что отвечать некому... Что и на небе ему не поверят и так же осудят, как осудили здесь. Осудят невинно-го...

Слева кузнец заметил сапожника Мирко, незлого как будто мужика, известного всему городу растяпу, которому не раз помогал — тот жил очень бедно. Десять детей как-никак, по-

пробуй их прокорми, хоть вообще без отдыха работай. Последний раз крыша у него дома прохудилась, да еще и зимой. У Микулы как раз были деньги, полученные за очередной заказ, так почему бы не помочь человеку? Помог, не жаль. А что теперь? Мирко выглядел каким-то диким зверем — перекошенное лицо, бороденка растрепалась, слюной брызжет во все стороны, что-то воет — и нетрудно догадаться, что именно. Почему? Почему даже он поверил, что Микула колдун?..

Взгляд раз за разом выхватывал из толпы лица людей — тех, кого кузнец раньше считал друзьями. И все они выглядели не лучше Мирко: швыряли в клетку камни, проклинали «колдуна», желали ему сдохнуть в мучениях. И гнев Микулы постепенно становился все сильнее, огненной пеленой скрывая весь мир.

— Значит, вот вы какие на самом деле?.. — По его щекам стекали слезы, но он не замечал этого.

Гнев рос, постепенно переходил в ярость. Казалось, кузнеца наполнил ледяной огонь, каждая его жилка горела одновременно льдом и пламенем. Он больше не видел в собравшихся на площади горожанах людей. Не мог их воспринимать такими — зверье какое-то, не более. Наконец, пузырь гнева прорвало, и из клетки донесся дикий рев:

— Я отрекаюсь от вас, люди!!! Будьте вы прокляты во веки веков! Да падет на вас кара за невинную кровь!

И такой силой искреннего чувства были наполнены эти слова, что затронули древнее нечто, спящее далеко среди гор. Оно пробудилось и вслушалось в происходящее, быстро оценило увиденное и заинтересованно принялось ожидать развития событий. Похоже, трехсотлетний сон подошел к концу. Но судить пока рано, нужно еще поглядеть, что выйдет. Хватит ли у этого человека гнева и боли, чтобы пройти все, что он должен пройти. На первый взгляд — хватит. Но это только на первый...

Стражники вытащили из клетки бешено бьющегося Микулу, оттащили на помост и приковали к столбу над костром. Он немного подергался и замер, поняв, что вырваться все равно не получится. Когда кузнец поднял голову, отшатнулся даже палач — его единственный глаз наполнял такой нечеловеческий гнев, что видевших это людей затрясло.

— Создатель! — Осужденный внезапно поднял взгляд вверх. — Ты же знаешь, что я невиновен! Так помоги же мне! Ты же Свет!

— Заткнись, гнида! — Озлившийся на такую наглость стражник ударил осужденного древком алебарды, но тот не обратил на это ни малейшего внимания, продолжая бросать в небо богохульства.

— Да пусть себе орет, — ухмыльнулся палач, хлопнув стражника по плечу. — Шас ему припечет, еще не так заорет...

— Значит, я безразличен тебе, Создатель?.. — хрипел Микула, корчась в путах. — Тогда я отрекаюсь от тебя! Слышишь?! Я отрекаюсь от тебя и твоего Света! И будь ты вместе с ним проклят! Я больше не твой!

Если бы проснувшееся недавно нечто было материально и имело голову, оно бы удовлетворенно покивало. Похоже, этот действительно достоин. Хорошо бы, давно пора навести в этом злосчастном мире хоть подобие порядка, да только инструмента подходящего никак не попадалось.

Душа Микулы выгорала, корчась в не видимом никому белом огне, он отрекался от всего человеческого, всего, что было дорого ему еще вчера. Отрекался от веры, жизни, дружбы, любви, доброты, злобы и ненависти. Никто не понимал, почему это осужденный вдруг начал вести себя так. Большинство разочарованно подумало, что он сошел с ума и теперь не почувствует до конца казнь. И опять ни один человек не посочувствовал! Трудно сказать, как, но кузнец понял это и разъярился еще больше.

— Прими же мою душу, Владыка Тьмы, Зверь Ада! Прими ее, Мать-Тьма!!!

Однако и Тьма ничего не ответила, напрасно Микула взывал к ней раз за разом. Несмотря на это, жажда отплатить палачам и убийцам все сильнее овладевала им. Гнев уже не бурлил, он бил фонтаном, захлестывал всю сущность кузнеца, превращал его в нечто такое, чему и названия-то нет на человеческих языках. Однако Тьма продолжала игнорировать неистовые призывы точно так же, как проигнорировал их Свет.

— Вот, значит, как?! — Нечеловеческий хохот разнесся над площадью, заставив людей потрясенно замолчать, уставившись на трясущегося, как в лихорадке, осужденного. — И тебе я не нужен?! Что ж, я отрекаюсь и от тебя! Будь ты проклята, Тьма!!! Ты и твой Владыка!!!

Нечто далекое тоже зашлось в диком хохоте. Да! Наконец-то настоящий, не боящийся быть самим собой! Быть тем, кто он есть! А ведь всю жизнь держал себя в кулаке, только сей-

час, когда его невинно осудили, осмелился выпустить свою суть наружу. Но это еще не все. Осталось последнее испытание...

— Поджигай! — вскочил Сергей вне себя от гнева. — Он совсем сошел с ума!

Палач поклонился и поднес факел к основанию пирамиды дров. Они сразу занялись — были политы горючей жидкостью. Огонь сперва нерешительно, а затем все живее принялся пожирать дерево. Прикованного к столбу кузнеца скрыл густой дым.

Микула закашлялся, он уже чувствовал жар, но пока не сильный — в кузне порой куда жарче бывает. Но это только пока, огонь еще не добрался до его тела... Стоп, огонь. Он ведь всегда служил именно огню, как и любой кузнец... Так, может, попросить огонь, чтобы тот взял его тело, даровав быструю смерть?..

Кузнец и сам не понял, что сделал в следующее мгновение, — кажется, полностью открыл душу пламени, впустил его в себя, сделал своей сутью. Неудивительно, что он смог: ни привязанностей, ни веры, да и вообще ничего у него не осталось. Все отобрали. И от всего он отсекся, все отринул. Микула не обратил внимание на боль, когда огонь добрался до его ног, наоборот, радостно приветствовал ее. И, опять же, принял в себя, сделал своей частью. Кожа человека, перестающего быть человеком, почернела и полопалась, но он этого не ощутил. Из костра донесся безумный хохот, и стражники с палачом вздрогнули, осенив себя святым крестом.

Пламя коконом охватило Микулу, а он продолжал смеяться, приветствуя огненную купель. Что-то менялось в нем, менялось раз и навсегда. Во что он превращался? Кузнец не знал, да и знать не хотел — он торжествовал. А затем в сознании непонятно откуда возникли слова, странные, непонятные слова. И из костра, на страх собравшимся на площади людям, зазвучал нечеловеческий голос:

Я прошел сквозь жар огня,
Вслед пылала мне земля,
Ветры пели гимны крови.

Был распят я среди толпы,
Сброшен в лоно пустоты,
Проклят был богами ночи.

Я отринул Свет и Тьму,
Лишь огню теперь служу,
Не блаженству и не боли.

Средь миров мой дом стоит,
В нем очаг всегда горит,
Манит многих против воли¹.

Его сопровождала зазвучавшая с небес скрежещущая, пугающая музыка, такой в Камнераде никогда не слышали. Да и попробовал бы какой бард сыграть что-то такое — камнями бы закидали! Над городом начали заворачиваться в воронку мгновенно набежавшие черные тучи. А затем прямо в центр костра ударила черная молния. Нет, не молния — столб тьмы, прошитый огненными плетями!

Нечто в горах скачком расширилось до пределов мира — свершилось! Он рождается! У него хватило гнева, отчаяния и решимости! Теперь все в его руках. И нечто растворилось в мироздании, одновременно став единым целым с душой человека, которого когда-то звали Микулой. Впрочем, уже не человека...

С костром происходило что-то невероятное — он вдруг распространился на весь помост, с которого спешно попрыгали стражники, прикрывая лица от страшного жара. Палач с помощниками спрыгнуть не успели и вспыхнули факелами, дико заорав. Впрочем, они недолго кричали, почти мгновенно превратившись в пепел. Люди в ужасе бросились прочь с площади, давя друг друга. Казнь проклятого колдуна обернулась чем-то жутким.

Музыка, звучащая с неба, стала оглушающей. Стихии вообще сошли с ума — дул ураганный ветер, тучи вертелись над городом жуткой воронкой, улицы заливали потоки воды, молнии сверкали одна за другой, и чаще всего — черные. Жуткий голос, звучащий из костра, заставлял людей корчиться от ужаса и непонимания. Все, во что они верили, превратилось в фарс, все, чем они жили, в один момент стало ничем! Не успевшие сбежать горожане сходили с ума, бились в корчах на мостовой, разбивали себе головы о камни. Кузнец отплатил им за все! Сторицей. А чудовищные слова продолжали звучать:

¹ Песня «Черный Кузнец» одноименной группы. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Я — хозяин всех путей
Между днем и тьмой ночей,
Прокуратор пантеона.

В ночь идете вы ко мне
По одной большой тропе,
Что под сводом небосклона.

Вы должны пройти огонь,
Либо сгинуть, либо вновь
Возродиться у истока.

Я — хозяин всех путей,
Душ кузнец и лицедей,
Брат огня и грома!

Со своего кресла медленно встал трясущийся архонт. Он единственный на площади понял, что происходит, — недавно перечитывал древние хроники. Тот, кого лучше не упоминать, снова рождается... Черный Кузнец. Хозяин Дома между мирами. Вечный ужас их несчастного мира. А самое страшное для Сергия было в осознании того, что он сам виноват в случившемся. Ведь Черным Кузнецом мог стать только невинно казненный великий мастер. Не важно, чего именно мастер — молота, меча, резца, гитары, кирки или пера. Главное, что невинно казненный, отрекшийся перед смертью от Света, Тьмы, людей и всего человеческого в себе. Значит, Микула не был колдуном... И он, архонт, виноват в появлении этого ужаса, осудив невинного...

— Останься человеком, кузнец... — умоляюще прохрипел Сергий, не рассчитывая, что его услышат. — Не становись чудовищем...

Однако его услышали, и нечеловеческий голос ответил:

— Зачем?.. Чтобы вы снова казнили невинных и творили зло?

— Не суди людей так строго... — сгорбился архонт. — Мы слабы, мы в плену своих слабостей...

— Каждому да воздастся по делам его! — отрезал Черный Кузнец.

Да, именно Черный Кузнец — Сергий понял это ясно, человеком это жуткое нечто уже не являлось. Все потеряно. Он не простит город. Судя по хроникам, Черный Кузнец никогда и никому ничего не прощал. Он являл собой высшую справед-

ливость этого и многих других миров. Кем он был на самом деле — неизвестно. Некая сущность, которой опасались и служащие Свету, и служащие Тьме, не говоря уже об обычных людях. Иногда он даже помогал кому-то, но только по собственному желанию. Как, например, во время войны с некромантами. Люди тогда хорошо «отблагодарили» спасшего их от участи, худшей, чем смерть, от всей души «отблагодарили»... Ударили в спину, когда Кузнец отдал почти все свои силы в бою, и сумели уничтожить его с помощью специально разработанных заклинаний. Тогда еще существовали маги немалой силы, способные на такое. Это позже церковь уничтожила и их, посчитав, что колдуны больше не нужны, что они вообще не имеют права на жизнь. Как теперь понимал архонт — зря. Некому теперь было защитить людей от мести вернувшегося чудовища.

Хотя, конечно, трудно сказать, является ли Микула тем же самым Черным Кузнецом и обладает ли его памятью или хотя бы знаниями. Сил у него, конечно, немерено, уже видно. Прежний владелец Дома между мирами таких представлений не устраивал — по крайней мере, об этом ничего не известно.

Костер распался облаком искр, и на помост ступила черная, словно опаленная, обнаженная по пояс мускулистая фигура с огромным черным же молотом, лежащим на правом плече. Лицо ее скрывал капюшон, из которого на мир взирала светящаяся едва заметными огоньками мгла. От этой фигуры веяло мрачной, беспощадной силой, от которой стонал и содрогался сам мир. Кузнец Душ во всей своей мощи...

— Жители Камнерада! Вы толпой накинулись на того, кто хотел помочь вам. — Голос жуткого существа завораживал, заставлял дрожать землю, пронизывая каждого слышащего его до костей. — Вы осудили невинного на мучительную смерть. Вы радостно смотрели, как он умирает, и были при этом похожи на зверей, а не на людей. Вы сами себя прокляли! Я не намерен вас наказывать, вы сами себя накажете. Я всего лишь лишая вас всей и всяческой удачи. Навсегда. Живите, если сможете!

Снова с неба загремела жуткая музыка, и из ниоткуда раздалась заставляющие корчиться от ужаса голоса:

Пламя играет, льется свет.
Прошлое тает, но надежды нет!
Пламя играет, но надежды нет!

Горн раскален, гудит в печи огонь лихих сердец,
Ты никто, здесь я всему венец!
Сквозь дым пройдешь и сам, войдя в огонь, поймешь,
Что есть Свет и Тьма...

Затем в последний раз содрогнулась земля, и Черный Кузнец ушел, покинув обреченный город. Куда? Об этом знал только он сам. Справедливость восторжествовала.

Упав на крыльцо, содрогался в рыданиях старик, обрекший себя и жителей родного города на гибель. Он-то прекрасно знал, что это такое — полное отсутствие удачи в любом деле, от мелочей до жизненно важных вещей. Мало кто из камнерадцев проживет хотя бы сутки после этого. В этом Сергей был уверен и отчаянно молил Создателя отменить приговор Кузнеца. Но почему-то ему казалось, что Создатель согласен с приговором. И от этого старику было еще большее и страшнее...

Что-то изменилось вокруг, и рецепторы Дома подали сигнал тревоги, активировав защитные контуры. Неужто кто-то решился проникнуть сюда, в место между мирами, в отсутствие хозяина? Если бы Дом мог, он бы рассмеялся: много таких идиотов приходило за прошедшие годы, очень много. И где они все? Никого нет, даже следа по себе не оставили. Нужно быть сумасшедшим, чтобы идти к обиталищу Черного Кузнеца. Когда он дома — да, иногда появляются те, кого он ждет. Такие становятся гостями, а порой и учениками. Остальные? Пусть примет их грешные души Бездна...

Но приближающееся существо оказалось знакомо, и Дом радостно приветствовал его. Хозяин вернулся после долгого отсутствия! Он сильно изменился, кажется, даже сменил личность и тело, но это все равно был он. Перепутать невозможно — слишком уж отличалась от любой другой аура Кузнеца Душ.

Подойдя, тот положил руку на ворота, и они распахнулись, чуть ли не повизгивая от счастья.

— Ну, здравствуй, Дом, здравствуй... — В голосе слышалась легкая грусть.

В ответ хозяина окутала теплая волна дружелюбия. Он усмехнулся и вошел. Внутри тут же вспыхнули все очаги и горны, пламя яростно загудело, ожидая своего собрата. Кузнец оказался в прихожей, напоминающей, скорее, огромный зал,

заваленный кузнечными инструментами. У дальней стены пылал гигантский горн, возле которого стояла на окаменевшем демоне наковальня, а рядом с ней — глубокое кресло. Судя по отблескам, стальное. Без подушек.

Опустившись в это кресло, Черный Кузнец наклонил голову и задумался. Он частично все еще был Микулой, помнил себя им. Но только частично — одновременно знал и умел столько, сколько человеку никогда не узнать. Помнил все, что должен был помнить, — воспоминания всех прежних Кузнецов были в его полном распоряжении. Он пока не знал, что дальше делать. Ничего, скоро узнает.

Для начала, по всей видимости, нужно выковать тех, кто начнет Путь. Где их искать? Трудно сказать, они могут оказаться в любом месте мира. Его прежнего мира или другого — мало ли этих миров? Придется хорошенько поискать. А затем положить найденные души на наковальню, разжечь горн и приступить к делу.

Глава 1

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В НИКУДА

Кевин нахлестывал коня, стремясь побыстрее добраться до Риханесбурга, — ночевать в лесу не слишком хотелось. По слухам, недалеко от города завелась какая-то опасная нечисть, и, невзирая на все усилия городских витязей и даже нанятых за огромные деньги «черных охотников» из викингов, справиться с ней пока не удавалось. То и дело возле дороги находили останки одиноких путников — их буквально раздирали в клочья, но при этом не поедали. Однозначно не волколаки, те всегда сжирали добычу почти полностью, оставляя только изгрызенные кости. Раньше бы позвали мага, да и дело с концом, но нынче не позовешь — не осталось магов-то, поголовно их Церковь Белого Христа повывела, будь она неладна. Кевин скривился, глухо выругался и незаметно коснулся зашитого в воротник камзола защитного амулета — молота Черного Кузнеца, которого «святые» отцы объявили врагом всего светлого и доброго. Это Кузнеца-то, которых их же, тварей, и спас во время Черной войны с некромантами! А попробуй возрази — сразу на костер спровадят. Кевин зло сплюнул, снова выругался и огрел коня плеткой, отчего тот обиженно заржал, не понимая, за что его наказывают. Капитан похлопал его ладонью по шее, успокаивая.

Новости, которые вез домой офицер стражи магистрата, следовало доставить как можно быстрее, слишком уж они были необычными и тревожными. За каких-то несколько дней полностью вымерла столица Славии, Камнерад. И вымерла очень странно, не от мора или нападения — у смерти каждого человека имелась своя причина, чаще всего не совпадающая с другими. Кто-то просто споткнулся и разбил себе голову о камни, кто-то захлебнулся глотком воды из кружки, кто-то подавился рыбьей костью, кто-то упал с лошади, кого-то забодал внезапно сорвавшийся с привязи бык, кого-то загрызла

его же собака, на кого-то упала черепица с крыши. И так — со всеми! Словно на горожан какое-то проклятие пало.

Дней десять назад до Риханесбурга дошли тревожные вести о том, что в соседней стране происходит что-то неладное, и обеспокоенный глава магистрата, мессир Арни Ловер, давний приятель архонта Сергия, немедленно отрядил туда посольство в сопровождении отряда стражи, святых отцов и шести ученых мужей из городского университета. Стражниками и командовал Кевин фон Расснер, выходец из небогатого, если не сказать бедного, маленького рода. Поначалу посольство не обнаружило ничего необычного, однако чем ближе оно подъезжало к столице Славии, тем удивительнее и страшнее становились слухи. Местные селяне даже поговаривали, что в Камнерад вернулся кто-то из старых богов и жестоко покарал город за предательство. В это, понятное дело, никто не поверил — с самой Черной войны с некромантами о старых богах ничего не было слышно. Да и тогда только Черный Кузнец явил себя, а остальные так и не отозвались.

Первые непогребенные тела начали попадаться миль за пять до Камнерада, словно люди из последних сил пытались сбежать из обреченного города, но далеко уйти не смогли — нечто невидимое нагнало и убило их, хотя причины смерти всегда были естественными. И, опять же, разными. Особенно поразили Кевина два богатых, судя по роскошной одежде, купца, захлебнувшиеся в крохотной луже, в которую едва поместились их лица. Да даже если бы они хотели сделать это намеренно, у них не получилось бы! А ведь они не хотели умирать, иначе как объяснить захваченные с собой деньги и самоцветы. И никто не обобрал мертвецов! Это что же такое?..

— Не трогайте лучше руками, капитан... — посоветовал старший из ученых мужей, Зигберт Лонгвилль, его отец был из франков, отсюда и такая фамилия. — А вдруг болезнь? Не чума точно, но от чего-то же они померли...

Послушавшись его, Кевин кончиком меча срезал кошелек одного из купцов и вскрыл, убедившись, что действительно никто не позарился на такое богатство, — а в кошельке, если перевести камни в золото, было не меньше ста тысяч, на замок и несколько деревенок хватит, да еще и на безбедную жизнь лет на сто останется. И все это осталось нетронутым? Да как такое возможно?! Однако вот, прямо в пыли кучка самоцветов валяется, слабо поблескивая. И ведь из них тоже никто к этим

самоцветам не прикоснется — страшно, знаете ли. Жизнь всяко дороже богатства.

— Как думаете, отчего они все же умерли, мэтр Зигберт? — хмуро поинтересовался младший коллега упомянутого, Курт Тирпен, всегда веселый и жизнерадостный невысокий живчик в запыленном дорожном камзоле.

Однако сейчас он веселым отнюдь не выглядел, наоборот, хмурился и кусал губы, растерянно глядя на утонувших в луже купцов.

— Не знаю! — отрезал старый ученый, наматывая на кулак свою седую косу, которую носил с самой юности, не обращая внимания на чье-либо мнение. Даже ректор Риханесбургского университета не смог заставить его коротко подстричься, хотя его страшно раздражал внешний вид Зигберта. — Ничего пока не могу сказать, кроме одного — здесь произошло что-то страшное! Это явно какая-то магия. Смотрите сами: чтобы двум взрослым полным мужчинам утонуть в этой мелкой луже, нужно было приложить немало усилий. Однако они это сделали. Что заставило их так поступить? А ведь что-то однозначно заставило, это я могу утверждать с полной уверенностью!

Кевин покивал — мнение старика совпадало с его собственным. Необходимо обязательно выяснить, что же случилось, кто или что воздействовало на людей столь страшным образом.

Трогать мертвых купцов никто не стал, даже стражники побоялись, что проклятие перейдет на них, хотя, судя по виду, очень сожалели об этом, бросая алчные взгляды на поблескивающие в пыли самоцветы. Каждый из этих камней мог обеспечить любому безбедную жизнь до самой смерти.

Вскоре отряд двинулся дальше и буквально через полмили наткнулся на еще более дикую картину — свыше ста мертвцов, причем при осмотре выяснилось, что все они сломали себе шеи, споткнувшись на ровном месте, причем почти одновременно. Это выглядело чем-то абсолютно невероятным, но другого вывода после осмотра сделать было невозможно.

— Чушь какая-то... — раздраженно потер виски мэтр Зигберт. — Так не бывает... Ну не могут сто человек одновременно споткнуться и сломать себе шеи! Не могут!!!

Капитан стражи был с ним полностью согласен — не могут. Но сломали, а это, опять же, значит только одно: что-то заставило людей сделать это. Или кто-то.

— Мэтр Зигберт, — обратился он к ученому, — если мы будем останавливаться возле всех мертвецов, — а их, думаю, по дороге встретим еще немало, то до Камнерада не доберемся и до завтра.

— Ну да... — хмуро согласился тот. — Хорошо, поехали.

Далее отряд останавливался только дважды, возле умерших совсем уж диким способом. В первом случае на человека упал камень, проломив череп. Птица, что ли, уронила? Но зачем она могла потащить в поднебесье камень? Второй случай был еще более странным — человек проходил под деревом, когда неожиданно отломившаяся ветка рухнула на него так, что пробила грудь обломанным концом. Кевин попытался понять, как такое могло случиться, но не понял. Ветка должна была упасть плашмя или кроной вниз, а никак не этим чертовым обломанным концом. Но упала именно так, чтобы убить человека. словно некая невидимая сила специально подгадала момент, да и усилие для этого приложила строго определенное. Сам Кевин, если бы желал сделать такое, не смог бы точно рассчитать, когда нужно было эту ветку ломать.

Что же такое случилось в Камнераде? Почему люди побежали оттуда, как крысы с тонущего корабля? Явно что-то очень страшное. И ведь никто не уцелел, ни один житель обреченного города, все погибли тем или иным образом. словно у людей полностью отобрали удачу, и любые события стали работать против них. Ничем иным хотя бы утопление в крохотной луже двух купцов не объяснишь. Стоп! А ведь именно так, лишением удачи, в далеком прошлом наказывал серьезно провинившихся перед ним Черный Кузнец...

Кевин судорожно нащупал зашитый в воротнике амулет, едва удержавшись от нервного возгласа. Неужели его повелитель вернулся? Это было бы отлично! Служители Белого Христа достали последователей старых богов до самых печенок, сжигая неугодных на кострах и побивая камнями. Чуть что не по ним — смертный приговор. Как же хочется воздать им по заслугам! Полностью! От души! Чтобы все на своих поганых шкурах прочувствовали! Неужели беззвучные молитвы были услышаны и пришло время наказать тварей? Очень хотелось бы, но, пока ничего не ясно, стоит молчать. О своей невероятной догадке капитан стражи рассказывать никому не собирался. Обойдутся. Сами поймут — что ж, их счастье. Нет — ну и некромант с ними. Губы Кевина исказила злая кривая ухмыл-

ка, заметив которую, шарахнулся прочь, перекрестившись, один из помощников мэтра Зигберта.

«Крестись, паскуда, крестись... — проводил его многообещающим взглядом капитан стражи, узнав похожего на крысу мэтра Петера Схольма, по доносам которого немало хороших людей забрала инквизиция. — Если вернулся Кузнец Душ, это тебе не поможет...»

Его душа буквально пела. Кевин с трудом сдерживался, чтобы не начать пританцовывать. Всевеликий Род, пусть будет так! Пусть Кузнец вернется! Может, хоть он сумеет навести порядок в этом гнусном мире?..

Посольство двинулось дальше. С каждой милей трупов вокруг становилось все больше, а общего в их смертях было только то, что случайности, приведшие к смерти, были слишком уж идиотскими, даже невозможными на первый взгляд. Взять хотя бы кожевенника, евшего что-то из котелка деревянной ложкой, а затем упавшего и каким-то образом напоровшегося глазом на черенок своей же ложки. Да если бы он нарочно попытался воткнуть деревянный черенок себе в глаз, то не смог бы, а вот случайно — поди ж ты...

Вдалеке показались стены Камнерада. Над городом черными тучами вились стаи воронья, что говорило об одном — живых здесь не осталось. Падальщикам раздолье. Кевин мрачно поглядывал на дорогу, следя, чтобы конь не наступил на мертвеца, — не хотелось чуму или какую другую болезнь подхватить. Посольство растянулось шагов на двести, люди чувствовали себя неудобно — виднеющейся вдали мертвый город производил жутковатое впечатление. И каждый задавался вопросом: что же здесь все-таки случилось?

Примерно через полчаса отряд въехал в западные ворота Камнерада. Тянуло тошнотворным запахом разложения и гарью, похоже, возникшие во многих местах пожары просто некому было тушить. Вдалеке виднелся дым, что-то слабо тлело. Как позже выяснилось, это была резиденция архонта, выгоревшая дотла. А сам Сергей обнаружился на центральной площади города, где обычно проводили казни. Старик в черных одеяниях плашмя лежал на мостовой, его рука перед смертью что-то начертала в пыли, но от написанных слов осталось только «Ый ку».

— Это что еще за «Ый ку»?.. — растерянно спросил неизвестно у кого мэтр Зигберт.

Кевин в душе заходился хохотом. Он-то, в отличие от остальных, сразу понял, что хотел сообщить покойный архонт. Черный Кузнец! Теперь ошибки быть уже не могло, следы присутствия божественной сущности ощущались на площади настолько сильно, что капитана едва не трясло, — его небольшие магические способности хоть однажды, но сыграли свою роль. Остальные риханесбургцы ничего не почувствовали — магии ни в одном из них не было и капли. Интересно, поймут они что-нибудь или нет?

— Не трогайте тело! — остановил сунувшегося было к трупу Петера Схольма мэтр Зигберт. — Заразиться хотите?!

— Н-нет, м-мэтр... — проблеял тот, шарахаясь в сторону.

— Он что-то хотел нам сообщить, знал, что кто-то обязательно придет в Камнерад, желая выяснить, что тут случилось, — задумчиво сказал старый ученый, потирая щеку. — Жаль, надпись почти не сохранилась...

— Жаль, — согласился с ним отец Себастьян, представитель церкви в посольстве, высокий худой монах аскетичного вида. — Но вы не обратили внимание вот еще на что. На помосте кого-то казнили. Сжигали заживо. А так казнят только колдунов, сами знаете. Но казнь не завершилась, что-то случилось, что-то ей помешало: огонь внезапно распространился на весь помост и сжег палача с помощниками. Скорее всего, именно то, что в этом повинно, убило и отца Сергия, и всех людей в городе...

Действительно, остатки помоста выглядели странно — в центре высился почти сгоревший столб с порванными цепями, их кто-то порвал, как гнилые нитки. И, похоже, это сделал тот, кто был прикован к этому столбу. На остатках досок помоста лежали несколько обугленных скелетов. По их позам становилось ясно, что люди сгорели заживо. И очень быстро, почти мгновенно. Вывод можно было сделать только один: сжигаемый на костре приговоренный сделал что-то такое, что огонь внезапно охватил помост и превратил в пепел всех, кто там находился. А затем колдун порвал цепи, вышел из костра и убил всех вокруг. Или не убил, но сделал так, что они умерли сами.

Именно к таким выводам пришли через пару часов яростных споров ученые мужи и святые отцы. Кевин в споре не участвовал, он наслаждался отголосками ауры Мастера Душ. Эти идиоты еще не знают, что их ждет. Что ж, пусть их, когда поймут, будет поздно. На сей раз наученный горьким опытом

Кузнец уже не позволит поймать себя в ловушку! Не поверит больше светлым тварям! При воспоминании об этом событии капитан стражи незаметно сжал кулаки — какие же они все-таки скоты, эти последователи Белого Христа! Напали на того, кто их же и спас! Воспользовались его усталостью после боя и сожгли, объединив силы всех своих магов. Впрочем, теперь они этого сделать не смогут, даже если захотят — сами уничтожили всех, даже полностью лояльных, владеющих силой. Ну что тут скажешь? Идиоты.

Пока высоколобые господа спорили, стражники нашли свободный от трупов особняк неподалеку и принялись обустриваться в нем. Не хотелось бы провести ночь в мертвом городе, но мэтр Зигберт, не слушая никаких доводов, распорядился именно так. Осталось пожать плечами и подчиниться. А самого Кевина со срочным донесением отправили обратно в Риханесбург, чему он очень обрадовался — был почти уверен, что остальные послы уже мертвы, только пока не знают об этом. А у него появился шанс выжить.

Благо свежие запасные кони имелись, и капитан взял сразу трех, чтобы менять по мере надобности. Ну а звери на него не нападут — старший волхв тайного капища наложил на Кевина защитные плетения еще декаду назад. В те времена, когда святые отцы еще не уничтожили магов, такое никто не рискнул бы сделать. Зато теперь бояться смысла не имело, ничего не обнаружат — эти дураки даже магические артефакты сожгли, ведь по их тупой вере магия — чистой воды зло, запретное для человека. Почему? Никаких логичных объяснений этого у них не было, точнее, имелось одно: так написано в Библии. Что ж, их глупость их же и погубит. Зато волхвы сохранили все древние знания и даже приумножили, постепенно ища последователей и тайно обучая их. За двести лет почти во всех странах континента появились небольшие общины староверов. Даже среди магометан, в южной Аравии и в далеких восточных Кхатае и Япане. Волхв Дагмир как-то раз проговорился, что и в Индии их братья есть, причем там они почти что власть захватили — в Стране элефантов служители Белого Христа никогда особого влияния не имели. Людей, по крайней мере, там не жгли, местные бароны, раджи, не давали, осаживая особо ретивых фанатиков порой и мечом.

Собравшись, Кевин, быстро распрошавшись с сослуживцами, положил написанные мэтром Зигбертом и отцом Себастьяном письма в поясную сумку и погнал коня галопом, спе-

ша до темноты проехать как можно больше. Не хотелось бы ночевать среди трупов, а на ночевку останавливаться все же придется. Повезло: в полнолуние дорога была хорошо видна даже после того, как стемнело. Кевин рискнул остановиться только после того, как отъехал от Камнерада миль на двадцать. Это расстояние никто из камнерадцев преодолеть не смог, и мертвецы на дороге уже не попадались. До ближайшего придорожного трактира оставалось проехать немалое расстояние, поэтому капитан решил заночевать на небольшой поляне, нарубив в ближайшем ельнике кучу лапника. Спал он чутко, но до самого рассвета никто его не потревожил, разве что волки выли где-то далеко.

Едва встав, Кевин не стал готовить себе еду, а погнал коней по дороге, остановившись позавтракать в трактире. А затем снова двинулся к Риханесбургу. День прошел в дороге, к вечеру капитан миновал границу Славии, а переночевал в таверне. Потом снова без передышки гнал коней, пересаживаясь с одного на другого, но до Риханесбурга добраться так и не успел, к ночи оказавшись в лесу, где как раз, по слухам, завелась нечисть. Останавливаться тут он не собирался, до города можно было доехать и в темноте за три-четыре часа. Да, за городские стены ночью не пуస్తят, но возле ворот хватает дорожных таверн и трактиров.

Он ненадолго остановился, подтянул подпругу у коней, достал и устроил за спиной посеребренный меч, который всегда возил с собой в седельной сумке, поскольку с волколаками и упырями сталкивался не раз, потер пальцами зашитый в воротник молот и двинулся дальше. Кони вели себя тревожно, то и дело ржали, а это говорило о том, что они что-то чувствуют. Что-то нехорошее. Оставалось надеяться, что опытный боец сумеет отбиться. Ну кто, кроме волколака или упыря, может тут завестись? Не вампир же? Этих тварей давно перебили.

Кевин погнал коней по едва различимой в свете луны лесной дороге, надеясь, что ни один не сломает ногу. Хорошо хоть не облачно, а то бы точно пришлось останавливаться. Он снова беззвучно помолился Кузнецу. Минута шла за минутой, миля за милей оставались позади, и капитан стражи уже было понадеялся, что все обойдется и вскоре он благополучно достигнет стен Риханесбурга.

Не обошлось, к сожалению. Внезапно раздался жуткий низкий рык, а за ним — вибрирующий, заставляющий съежиться вой. Кони даже не заржали — они зарыдали от ужаса и

шарахнулись в сторону так, что опытный всадник вылетел из седла и кубарем покатился по земле. Повезло — ничего себе не сломал, только сильно ушибся. А кони бросились врассыпную, скрывшись в лесу.

— Да чтоб вам провалиться, волчья сыть! — от всей души пожелал им Кевин. — Сожрут же вас там!

Он встал и потянул посеребренный меч из ножен. Похоже, придется принимать бой. Вот только с кем? Непонятно. Кевин осторожно поворачивался, глядя по сторонам, чтобы не пропустить нападение, но никто пока не нападал. Однако это продлилось недолго — слева снова раздалось рокочущее рычание, и капитан резко обернулся.

— Ну, вот и приплыли... — тихо пробурчал он себе под нос.

Роняя на траву капли светящейся слюны, от которой трава сжеживалась и рассыпалась в прах, на Кевина пристально смотрела пылающими потусторонним огнем глазами призрачная гончая. Последователи Белого Христа называли таких адскими, хотя к аду они никакого отношения не имели, просто жили в ином плане бытия и доступа в тварный мир обычно не имели. Но если уж такая собачка прорывалась, то упокоить или изгнать ее удавалось только ценой огромных жертв — она могла мгновенно перемещаться с места на место и была почти неуязвима, даже аркебуза, заряженная серебром, не брала ее. Требовалось как-то обездвигить тварь и сжечь ее, причем сгорала она очень медленно, в течение двух-трех дней. В последний раз призрачная гончая, если судить по хроникам, появлялась в окрестностях Риханесбурга лет двести пятьдесят назад, тогда еще имелись маги, которые и помогли справиться с ней. А что теперь? Кто теперь поможет?..

Кевин закусил губу и приготовился к смерти — в одиночку с такой тварью не справиться никому, будь ты хоть былинным героем. Гончая, уронив на задымившуюся траву еще несколько капель едкой слюны, зарычала и медленно двинулась к нему. Не дойдя нескольких футов до человека, она прыгнула. Капитан, взмахнув мечом, откатился в сторону. Как ни удивительно, он задел тварь — на ее боку появилась сочащаяся светящейся жидкостью полоса. Снова зарывчав, гончая повернулась к Кевину, ее глаза вспыхнули нестерпимо белым светом, и он с тоской осознал, что на этот раз — все.

— Ай, какая плохая собачка! — заставил капитана вздрогнуть чей-то рокочущий, пробирающий до самых костей голос. — А ну, сидеть!

Призрачная гончая тут же хлопнулась задницей на жухлую траву и яростно забила по ней хвостом, словно увидела любимого хозяина. От нее так и расходились флюиды радости и почтения. Это кто же может быть хозяином такой твари?.. Кевин медленно повернулся в сторону говорившего и... от потрясения выронил меч, чего с ним никогда еще не случалось.

На краю поляны замерла освещенная призрачным светом фигура. Лицо скрывал глубокий капюшон, при этом торс был, как ни странно, обнажен. По капюшону и торсу стекали вниз, находясь в беспрестанном движении, светящиеся незнакомые руны, а через плечо был перекинут огромный черный молот, от одного вида которого становилось жутко — казалось, он одним своим присутствием сотрясает мироздание. До Кевина мгновенно дошло, кого он видит перед собой.

— Повелитель... — опустился на одно колено капитан.

— Я никому не повелитель! — весело прогудел Черный Кузнец, а это был именно он собственной персоной. — Учитель разве что. Кузнец и Мастер Душ. А слово «повелитель» забудь. Для верующих в меня оно запрещено. И никогда ни перед кем не становись на колени!

— Как скажете, Мастер Душ! — наклонил голову Кевин, вставая и с затаенным восторгом глядя на того, о встрече с кем мечтал с детства.

Значит, он все же не ошибся и в Камнерад приходил именно Кузнец!

— Да, я был там, — уловил тот его мысли. — Именно там и возродился из кузнеца Микулы, обвиненного в колдовстве. Ты его работы меч носишь.

— Хороший кузнец был... — вздохнул капитан.

— Он и есть. Как часть меня. Но к делу. Я пришел к тебе не просто так.

— Что прикажете, Мастер Душ? Я готов исполнить вашу волю!

— А вот это ты зря! — погрозил ему пальцем Черный Кузнец. — Живи по совести. И приказ выполняй только тот, что по совести. Я, конечно, не прикажу тебе женок и детей резать, но есть те, кто прикажут. Так что с обещаниями исполнить любой приказ будь осторожнее.

Немного подумав, Кевин снова уважительно наклонил голову и сказал:

— Спасибо за урок, Мастер Душ! Вы правы, не всякий приказ можно исполнить, если хочешь остаться человеком.

— А кто тебе сказал, что после всего, что последует, ты останешься человеком? — хохотнул Черный Кузнец. — Совесть ведь не только у людей есть. Ее сохрани, твое внутреннее «я», не дающее тебе опуститься, кем бы ты ни был. Но это так, урок небольшой. А дело в том, что после пробуждения я попытался найти хоть кого-то из других богов — и не нашел их. Никого нет, в том числе и Белого Христа с Магометом. Даже отшельник Гаутама — и тот куда-то исчез. Они все ушли. Как, почему, зачем и куда — неизвестно. Нужно выяснить, что случилось, и ты, в числе прочих, мне в этом поможешь.

— Я готов, Мастер Душ! — отозвался капитан. — Что нужно делать?

— Пока что ты должен найти остальных двоих из вашей триады. Искать придется долго, они живут далеко. Чтобы помочь, я привяжу к тебе вот эту призрачную собачку — она способна перемещаться по теням и переносить своего хозяина. Ну и справиться с ней в отсутствие сильных магов не сможет никто, она защитит тебя в любой ситуации и от кого угодно.

— Но как мне их искать? — растерянно спросил Кевин. — И где?

Черный Кузнец резко приблизился и положил свою огромную мозолистую ладонь ему на лоб, накрыв пальцами затылок. И в мозг капитана стражи ударила огненная волна. Кажется, он даже на некоторое время потерял сознание, но упасть ему не дал Мастер Душ, поддержав за локоть. Когда Кевин пришел в себя, тот уже снова стоял в отдалении.

— Что вы со мной сделали?..

— Ничего особо страшного. Я поместил в твой мозг артефакт, который в более развитых мирах называют симбионтом. Он поможет тебе в поисках, нужные параметры я задал. Артефакт активируется завтра, поэтому не нервничай, когда у тебя перед глазами появятся полупрозрачные значки и ты услышишь не слышимый больше никому голос. Собаку я сейчас привяжу к тебе, для стороннего взгляда она будет выглядеть ирландским волкодавом, они очень редки и опасны, в одиночку способны стаю волков растерзать, так что никому и в голову не придет, что у тебя куда более опасная тварь. И... прошу, найди их, Кевин. Это не приказ, а именно просьба, только ты сможешь сделать это, как и склонить этих двоих к сотрудничеству. Они из разных народов. Араб и японец. Воины. Мастера. Лучшие из лучших. Как и ты, через многое про-

шедшие. Они частицы того, что следует выковать. А если не выкуем, то и миру погибель прийти может...

Единственный глаз Черного Кузнеца требовательно смотрел на Кевина. А тот думал тяжкую думу. Это что же получается? От того, выполнит или не выполнит он просьбу Мастера Душ, зависит судьба мира? Что ж, он сделает все, что в человеческих силах, и даже больше.

— Я найду их... — Словно камни, упали слова обещания.

— Я буду ждать вас троих в Доме между мирами. Может, к тому времени и вторая триада соберется...

С этими словами Черный Кузнец отступил на шаг и бесследно исчез. А Кевин улыбнулся, сам не зная чему, и свистом подозвал к себе снова забившую хвостом призрачную гончую, сейчас действительно выглядящую как ирландский волкодав. Только вот глаза ее иногда вспыхивали потусторонним светом — и не дай боги кому-нибудь в этот момент заглянуть в них. Сама душа несчастного сгорит в черном пламени Бездны.

Когда солнце поднялось уже высоко, стражники на стенах Риханесбурга заметили человека, вышедшего из леса в сопровождении огромной лохматой собаки. Это кто же такой дурень, что ночью в этом лесу гулял? Как только жив остался! И только когда путник подошел ближе, стражники с невероятным изумлением узнали в нем своего капитана, а узнав, ошалело замерли на некоторое время — помнили, что тот уехал в Камнерад вместе с посольством. Единственное, что удосужился сделать командующий стражниками лейтенант, — это отправить гонца в магистрат с сообщением о странном появлении командира. А затем стал дожидаться, пока Кевин фон Расснер не войдет в открывшиеся ему навстречу городские ворота.

Глава 2 И ЧУЖИЕ ДОРОГИ СТАНУТ ТВОИМИ

Сделавшись невидимым, Мастер Душ проводил задумчивым взглядом Кевина и призрачную гончую. Надо же, в целом мире нашлось всего три человека, чьи души оказались настолько сильны, что способны выдержать перековку в триаду на наковальне в Доме между мирами. Всего три! Тогда как раньше таких имелись десятки, а то и сотни. Интересно, уда-

тся ли выковать хоть одну триаду? Это всегда было очень не легкой задачей. И составляющим триаду после исполнения своей задачи один путь — в младшие боги, людьми им уже не быть, не поместятся в человеческих телах сила и знания, которые они получают.

Черный Кузнец сделал шаг и оказался перед воротами Дома между мирами. Вошел, движением пальцев разжег огонь в очаге, сел в свое стальное кресло и глубоко задумался. Ставить все на одну-единственную триаду было глупо, неизвестно еще, соберется ли она, не погибнет ли кто в процессе. А значит, придется прогуляться по соседним мирам и поискать там подходящих людей. Найдет ли? У него возникло нехорошее подозрение, что то же самое происходит по всей ветви мироздания, если не по целому сегменту. И это тоже требовалось проверить. Затем Мастер Душ решил еще раз осмыслить свою идею и то, как он к ней вообще пришел.

Немного восстановившись после возрождения, Черный Кузнец решил осмотреться, проведать старых знакомых и спросить, почему они допустили в своем мире такое. Как могла взять власть гнусная секта последователей Белого Христа, к которой, между прочим, сам Христос — а с ним Мастеру Душ доводилось сталкиваться, — относился с откровенным отвращением, бурча, что он этим убогим ничего не обещал и они ему в принципе не нужны. Что-то во всем этом было странное и непонятное. Ни один здравомыслящий бог не позволил бы тысячами жечь заживо людей и уж тем более уничтожить в мире магию как таковую. А ее именно уничтожили, убив почти всех способных ею пользоваться. Немногочисленные уцелевшие волхвы сидели тихо, как мышь под веником, и редко рисковали применить даже самое слабое заклинание. При этом магическая энергия куда-то уходила широким потоком в какую-то бездонную прорву, причем в какую именно, Мастер Душ определить не сумел — это было что-то новое, и его долг: понять, что именно. Уж не Пожиратель ли завелся в его родном мире? Не хотелось бы, даже ему в компании с другими богами не справиться с этой пакостью — она уже множество миров погубила и еще больше погубит, как ни жаль это признавать.

Первым делом Кузнец решил проведать старого собутыльника, такого же одноглазого, как и он сам. Но не нашел Вальхаллу. Ее просто не было! Как не было ни самого Одина, ни его детей, ни кого-либо другого из скандинавского пантеона.

В ментале даже следов найти не удалось, словно их никогда не существовало! Это поразило Мастера Душ до онемения, и он принялся лихорадочно искать богов других пантеонов. Но так никого и не нашел. А уж когда обнаружил полное отсутствие Небесного Иерусалима, обители вечно домоседа Белого Христа, то вообще пришел в недоумение — уж этот-то хитрован всегда раньше был на месте и никогда не упускал своего.

С каждым новым посещенным местом настроение Черно-го Кузнеца становилось все более отвратительным. Нигде ни следа, нигде никого, словно в родном мире никогда и не было никаких богов. Все их известные резиденции тоже исчезли. Бесследно исчезли! Ну как могли пропасть хотя бы хоромы Зевса с его развеселой компанией? Мастер Душ не раз бывал у старого Громовержца в гостях и знал в его владениях на Олимпе каждый камень. Вот здесь, например, стояла заросшая плющом беседка, где он пару раз миловался с красавицей Афродитой, непонятно почему обратившей внимание на одноглазого кузнеца. Вон там когда-то находился украшенный колоннами дом, в котором столько вина выпито на пирах. А слева раньше бил в небо разноцветными струями воды огромный фонтан. Теперь же ничего этого нет и в помине, причем нет вообще, даже следов. Понятно, если бы от строений осталось хоть что-то, какие-то руины, но местность выглядит так, словно здесь никогда и ничего не строили! Как это объяснить? О следах в ментале и астрале, опять же, не стоило даже упоминать — их просто не было. Возникало ощущение, что он сам — единственная высшая сущность в мире. Но это же отнюдь не так!

Черный Кузнец сел на первый попавшийся большой камень, отшвырнул ногой проползавшую мимо непонятно откуда здесь взявшуюся двухголовую змею и принялся размышлять. Что-то во всем этом было донельзя странное. И совершенно невозможное. А в родном ли он мире? Не в отражении ли? Создать отражение мира без присущих ему богов могли многие сильные сверхсущности, которых вокруг их сегмента мироздания всегда хватало. Надо будет, кстати, проверить, а вдруг и они исчезли. Но если это отражение, то почему он возродился именно здесь? Нет, будь это отражение, то попасть в Дом между мирами Мастер Душ не смог бы — проход туда есть из очень немногих миров, причем исключительно древних, в недавно возникшей реплике его просто не может быть. Но что тогда здесь случилось?!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Все дороги ведут в никуда	19
<i>Глава 2.</i> И чужие дороги станут твоими	30
<i>Глава 3.</i> Не суди других по себе	43
<i>Глава 4.</i> Не ищи легких путей	56
<i>Глава 5.</i> Не рой другому яму	76
<i>Глава 6.</i> Выбирая, не ошибись	92
<i>Глава 7.</i> В поисках одного ищи другое	108
<i>Глава 8.</i> Поняв себя, пойми других	122
<i>Глава 9.</i> Ища путь, не оступись	138
<i>Глава 10.</i> Не сверни себе шею в азарте	152
<i>Глава 11.</i> Всегда оставайся собой	167
<i>Глава 12.</i> Пути бывают разные	181
<i>Глава 13.</i> Не потеряй себя в дороге	195
<i>Глава 14.</i> Не живи за чужой счет	209
<i>Глава 15.</i> Не ошибись в поисках выхода	222
<i>Глава 16.</i> Семь раз отмерь, один отрежь	235
<i>Глава 17.</i> Помоги, если можешь помочь	249
<i>Глава 18.</i> Кто, если не мы?	263
<i>Эпилог</i>	276